
**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ
АНДРЕЙ МУРАВЬЁВ

НЕПРОЩЕННЫЕ

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д75

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления художника *А. Матвеева*

В оформлении переплета использована работа
художника *Е. Деко*

Дроздов, Анатолий Федорович.

Д75 Непрощенные / Анатолий Дроздов, Андрей Муравьёв. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Новые герои).

ISBN 978-5-699-79085-2

Современная Россия...

Война на Кавказе сделала их смертельными врагами. Ильяс мстил за сестру, а капитан-танкист Олег невольно стал виновником ее смерти. Оба воина погибли, но высшие силы дали им второй шанс...

22 июня 1941. Из развалин разбомбленной казармы 44-го танкового полка Красной Армии выбираются окровавленные сержант и лейтенант. В небе – пикировщики Ю-87, от границы катится вал бронированных машин с черными крестами на башнях. Что делать? Спрятаться, пробираться на восток или вступить в неравный бой? Олегу ответ на этот вопрос ясен. А вот Ильясу — нет. Но война, которая вскоре будет названа Великой Отечественной, сама все расставит по местам...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79085-2

© Дроздов А., Муравьёв А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Башня «Тигра», отчетливо видимая в телескопический прицел, медленно повернулась вправо, затем — влево, после чего замерла. Длинная «оглобля» 88-миллиметровой пушки с дульным тормозом на конце плавно поползла вниз.

«Он же меня крестит... Сейчас!»

— Понеделин, мать твою! Чего ждешь? Стреляй!

Никто не отозвался. Похолодев пришедшим в один миг озарением, я осознал, что ни Понеделина, ни кого другого в танке нет. Я один в башне, сижу на месте наводчика и растерянно смотрю, как «Тигр» не торопясь выцеливает мой танк. Твою ж мать!

Схватился за рукоятки и нажал кнопку. Загудел мотор электромеханического привода, и башня медленно (слишком медленно!) стала поворачиваться. Сетка прицела поймала угловатый силуэт немца и замерла. Теперь опустить ствол... Мы его тоже «перекрестим».

Набалдашник дульного тормоза «Тигра» остановился и замер. Все. Я опоздал. Подкалиберный снаряд 88-миллиметровой пушки «Тигра» пробьет лобовую броню Т-62 — ему это по силам. Вольфрамовый сердечник снаряда и сорванные им осколки брони стальным безжалостным вихрем прочешут внутрен-

нее пространство танка, разрывая на куски мягкую человеческую плоть. Мою плоть...

В отчаянии я надавил кнопку спуска: прицельного выстрела не получится, так хоть ослеплю вспышкой. Пушка молчала. «Забыл зарядить!»

— А-а-а!

Ослепительно-белое пламя, вспыхнувшее на конце ствола «Тигра», закрыло поле обзора. Удар! Я содрогнулся всем телом — и проснулся. Твою мать!..

Некоторое время лежал, ощущая, как стынет на теле горячий пот. Опять этот сон! Почему? Откуда «Тигр»?.. В жизни нашим танкам никогда не встретиться, а мне не сидеть в башне Т-62 — даже если случится война. Судимого в армию не возьмут — даже в штрафную роту...

Прислушался. В казарме отряда царил полумрак — до подъема не скоро. В отдалении кто-то смачно похрапывал, сосед наверху повернулся, что-то пробормотал во сне и затих. Я никого не разбудил своим криком. Вот и славно. Улегся на правый бок и закрыл глаза. Сознание медленно затухало. «Пусть снова будет «Тигр»! — промелькнула мысль. — В этот раз я успею. Непременно!»

Тьма...

Глава 1

— Вы признаете себя виновным? Несколько слов...
Пожалуйста!

В лицо тычут микрофонами, над головой нависают телекамеры, самые настырные из журналистов даже пробуют отгеснить конвой. Я молчу и просто шагаю от автозака в толпу. Волна борзописцев отшатывается, оставив узкий проход к дверям. Иду быстро, хотя после раскаленной солнцем металлической будки автозака хочется подышать.

За изгородью что-то орут бесноватые тетки в платках. Там мелькают плакаты, шумят мегафонами милиционеры, гудит народ. И это только первый день. Что будет дальше? Там-па-рарам. Выпить бы! Только кто ж даст? Эх!..

Зал переполнен, стоят даже в проходах. Судья кашляет и сморкается: он простужен. Где сумел? Лето в разгаре.

— Подсудимый, назовите себя!

— Вигура Олег Юрьевич.

— Последнее место службы?

— Командир роты гвардейского танкового полка.

— Военское звание?

— Капитан.

Судья разбирается с другими участниками процесса и приступает к обвинительному заключению.

Публика внимает: многочисленные земляки и родственники убитой, журналисты и просто любопытные — немногие допущенные в переполненный зал. Судья все читает, голос его звучит монотонно, и я забываюсь.

— ...Признаете себя виновным?

Это мне. Все замирают. Десятки взоров: любопытных, участливых, ненавидящих сфокусированы на моем лице. Они жгут щеки.

— Да.

— Дайте, пожалуйста, развернутый ответ.

— Я признаю.

Всеобщий вздох и шелест: будто ветром обдуло осину. Адвокат кивает, губы его шевелятся: «Продолжай! Как договаривались!» Судья приходит на помощь.

— Вы раскаиваетесь?

Молчу. Пауза затянулась. Адвокат хмурится. Оговоренный до мелочей сценарий забуксовал. «Ну же, скажи «Да!» Ведь объяснили?!» — Судья ждет своей реплики в заочно отрепетированном спектакле.

— Подсудимый, вы раскаиваетесь? — не выдерживает он.

— Да...

* * *

Это случилось весной. По раскисшим от слякоти весенним дорогам Чечни рота выдвинулась к селению, где, по сведениям разведки, засел отряд боевиков. Их требовалось выкурить и, по возможности, уничтожить. Операцию поручили батальону мотострелков, усиленному ротой танков. Выкурить не получилось. Или разведка лопухнулась, или боевики

оказались проворнее нас, но в селении их не оказалось. Мы разместились лагерем за околицей и стали ждать. С приказом на отход медлили. Боевики, скорее всего, болтались неподалеку, в штабе опасались их прорыва. Широкомасштабная армейская операция на Кавказе сворачивалась. Бандитов загнали в горы, где методично добивали авиацией. Армия держала периметр, не позволяя ичкерийцам выйти на равнину. Необходимость в крупных соединениях федералов отпала. Части раздербанили, расовав поротно и батальонно на опасные направления, строго-настрого наказав бдить. Мы и бдили... То есть пили, конечно, но и по сторонам посматривали... На душе у всех было погано. В марте арестовали командира нашего полка. Слухи о случившемся ходили смутные. Наши говорили, что полковник сгоряча задушил снайпершу, убившую двенадцать танкистов. Местные утверждали, что командир одурел от водки, съехал с катушек, схватил первую попавшуюся горскую девушку, насильничал и, чтоб концы в воду спрятать, ее грохнул. Тему активно раскручивали журналоги. Полковника выставляли зверем и алкоголиком. Никто из нас в это не верил. «Полкан» был крут, мог запросто съездить по роже, зато воевал как бог. За своих, коли надо было, глотку грыз. Мы прошли с ним всю Чечню, потеряв убитым всего одного. Так и вернулись бы со славой, не принеси черт эту снайпершу...

Кончался апрель, и гребаные горы вспомнили про нас. С какого бодуна вынесло на высотку у селения трех абреков, узнать не удалось — спросить было некого. Обкурились, наверное, моджахеды — за ними такое водилось. Как бы то ни было, они при-

тащились, установили ДШК и врезали по расположению мотострелков. Пули калибра 12,7 мм свинцовым градом прошли по лагерю, калеча солдат и куроча грузовики. Боевики успели выпустить две ленты. К счастью, стреляли издалека, на таком расстоянии попасть трудно. «Двухсотых» у мотострелков не случилось, но «трехсотые» были. Тяжелые «трехсотые»...

Мы как раз там сидели: их комбат, начальник штаба батальона и я с Федосовым — моим заместителем по воспитательной работе. «Списывали» взятый на протирку оптики спирт. Услышав выстрелы, выскочили из кунга. Мне хватило пары секунд, чтоб сообразить. Не обращая внимания на обстрел, я рванул в свое расположение и через секунд двадцать уже влезал в танк. Следом протиснулся Федосов. Завелся, развернул башню и сквозь прицел нашел на вершине сопки пулемет на универсальном станке и три фигуры возле него.

— Осколочный!

Федосов мгновенно выполнил команду. Пулемет не смолкал. Быстро довел прицел и нажал кнопку спуска. Пушка грохнула, гильза вылетела в кормовой люк. Накрыли мы абреков с первого раза. Это для пулемета километр — расстояние, для пушки калибром 115 миллиметров — дальность прямого выстрела. Взрывчатого вещества в осколочном снаряде — три килограмма, достаточно, чтоб разнести особняк на Рублевке, не то что какую-то треногу со стволом.

В голове гудело от выстрела и спирта.

На вершине сопки вспух куст разрыва, а когда опал, там ничего уже не было: ни пулемета, ни стрелков. На что они рассчитывали? Ведь видели же танки? Точно — обкуренные...

— Осколочный!

Кровь бурлила, не желая успокаиваться. Пулеметный расчет уничтожен, стрельбу следовало прекратить, но накопленная в последние дни злость рычала в уши совершенно другое. На склонах, поросших «зеленкой», могли прятаться другие боевики. Могли? Да, несомненно! Тем более что я заметил какое-то движение... Так потом объяснял следователю. На самом деле мне хотелось стрелять — мстить этим взбунтовавшимся гадам, пыльным горам, раздолбанным дорогам, пустым улицам, чужому ненавидящему взгляду в спину: за полковника, потерянную семью, обрыдлую службу — за все, что давило душу. Отомстил... Очередной снаряд к «зеленке» не долетел. Зацепил ветку дерева, росшего на окраине, и взорвался в воздухе. Осколками накрыло ближний дом. Один залетел в окно и попал в человека. Девчонку... Нехорошо получилось.

* * *

«Демократические» газеты впоследствии писали: капитан российской армии, напившись, устроил бессмысленную стрельбу, в результате которой погибла невинная девушка. Смотрите, какие типы пришли на мирный Кавказ! Алкоголики и палачи! О том, что в нас стреляли из ДШК, писаки скромно умалчивали. Сволочи... Горцы митинговали и требовали суда. На фоне дела комполка мое не выглядело громким, но его заметили. Меня и Федосова арестовали, потянулось следствие. Я отмазывал Витьку как мог, и его выпустили. Уволили из армии, но не посадили. Уже хорошо... Со мной такое не прокатило. Убийцу следовало наказать, а что до обстоятельств... В суде ад-

вокат доказал необходимость обстрела «зеленки», но у прокурора нашелся железный аргумент. Из устава: перед стрельбой из пушки необходимо убедиться в чистоте сектора ведения огня. Ссылку на условия войны во внимание не приняли: на Кавказе войны формально не было. Мы туда погулять вышли...

— Четыре года!.. — произносит судья.

Зал взрывается. Люди вскакивают, кричат, потрясают кулаками. Особенно неистовствуют абреки. Полевого командира, резавшего головы пленным русским солдатам, приговорили к пожизненному, так почему танкисту, убившему горянку, только четыре? Абыдно! Судебные приставы наводят порядок. В наступившем шуме теряются слова приговора: «Лишить наград и воинского звания...» Странно, но я слушал это равнодушно, как труп. Да что там? Я и был труп — человек, потерявший все. Внешне живой; мог ходить, дышать, говорить, но на самом деле покойник. Будь проклят день, когда я надел погоны! Надо было в по-вара...

В колонии я читал — работа библиотекаря тому способствует. Жилось неплохо: блатная должность, уважение тюремного начальства, а к хождению строем и казарме не привыкать. Дело мое, опять же, получило резонанс. Россия, не та, что в телевизоре, а настоящая, не забыла своего солдата. В адрес колонии приходили письма и посылки: очень много писем, посылки — по норме. В некоторых письмах меня проклинали, но таких было мало. Большею частью писали нормальные люди. Они не верили ТВ и газетам, просили меня держаться, сообщали, что гордятся мной. Некоторые слали стихи. Ради того, чтоб это читать, стоило сесть. В посылках преобла-

дали книги — главным образом о танках и танкистах. Люди, посылавшие их, думали, что мне будет приятно. Они не понимали: танкистом мне больше не бывать. Не заскочить в нутро могучей машины, не вдохнуть теплый запах солярки, машинного масла и краски, не ощутить себя единым целым с грозной стальной машиной, послушной и подвластной тебе. Не ввязаться в бой — стремительный и яростный, не ощутить по окончании его, как медленно утекает из тела напряжение, а на душе становится радостно и светло.

В одной из присланных мне книг я прочел про Вальгаллу, загробный мир викингов. У них считалось, что нет ничего хуже для нормального мужика, чем умереть в постели. Если ты — правильный пацан, то сдохни с мечом в руках, в бою, и тогда после смерти будешь пировать в палатах Вальгаллы и каждый день резаться с такими же счастливчиками. А если сдохнешь в постели, то пойдешь на корм червям — и только. Я невольно задумался. Куда уходят души убитых в бою танкистов? В какую даль, в какой рай? Что там приготовлено? Облачка и арфы? Прогулки, пение и барашки у ног? А если мне по душе подрагивающий стальной пол, резиновый окуляр прицела и ритм, отбиваемый пальцами на рукоятке механизма поворота башни? Если нет ничего лучше, чем вид врага в перекрестье прицела? Что тогда?

Книги я читал: чем еще заняться? Было интересно сравнивать сочинения разных авторов, их оценки применения бронетанковых войск в различных операциях. Вранья в опусах было много, но попадалось и дельное. Особенно нравились мне воспоминания фронтовиков. В этих книгах дышала правда.

Эти люди воевали, их танки подбивали и жгли, они не оставались в долгу. Они жили в суровое время, но знали, за что воюют. А я?..

Дважды меня пытались помиловать, всякий раз за Терекком закипали митинги, и я отказывался. Была еще причина. За воротами колонии меня караулила смерть. Многим я стоял поперек горла, даже бывшей супружнице: не разрешил новому мужу удочерить Альку. Муж оказался из бывших бандитов, вернее, из настоящих: бандит, сменивший спортивный костюм на фирменный от Версаче. Мне передали его слова: буду упрямитесь — на свободе не заживусь. Не горцы, так свои порешат — куда спешить? За жизнь я не цеплялся, но и терять ее не желал.

Так и провел четыре года. Отсидел, отдал, освобожден. Новая жизнь встретила цветами и музыкой. У ворот колонии стояла толпа: вездесущие журналисты с камерами, люди с букетами; из динамиков, пристроенных на крыше микроавтобуса, лился марш. От неожиданности я растерялся, не зная, что делать. Подлетевший Федосов, раздобревший и странно выглядящий в штатском, затолкал меня в джип.

— Велели не устраивать митинг! — объяснил уже в машине. — Видишь, сколько народу? Как только пронюхали?

Я не возражал: шума не хотелось. Просочиться мышкой все равно не удалось — меня узнавали: в аэропорту, в самолете, в зале прибытия... Люди подходили, жали руку. Федосов нервничал и старался прикрыть меня телом: он до сих пор чувствовал себя мне обязанным. Облегченно вздохнул только в московской квартире, куда мы добрались ранним утром.

— Поживешь пока здесь! — сказал, запирая дверь. — Холодильник полный, если что понадо-

бится, звони! — Он положил на стол мобильный телефон и визитку. — Сам не выходи. Вот еще! — Он достал из стола «макаров». — На всякий пожарный!

— Вышел из тюрьмы, чтоб сесть в другую? — усмехнулся я.

— В Грозном опять митингуют, — вздохнул он. — Пусть выпустят пар. Не переживай, командир, все будет пучком! Работа, квартира, бабы, бабло — много бабла и баб-с! Большие люди о тебе заботятся, знай. Я днем приеду, пока не кипишуй.

Я не возражал: не хотелось. Мы отметили возвращение, Федосов уехал, а я завалился спать — устал. После полудня праздник продолжился. Приезжали незнакомые люди, обнимали, жали руку. Я вступил в какие-то союзы и ассоциации, подписывал договоры. Витька с умом использовал свою нечаянную известность — у него были умные родители. После увольнения из армии подался в политику и преуспел: пробился в Думу. Мне Витька сказал, что бумаги подписывать нужно, я не стал спорить: ненадолго. Водка и коньяк лились рекой. Разбрелись к ночи. Голова была тяжелой, но по въевшейся привычке сначала навел в доме порядок и потопал на кухню. Хотелось березового сока — чтоб из детства. Кисло-сладкого, пахнущего весной. Весна несет радость и надежду...

Выглянул в окно. Бетонные стены многоэтажек, забитый машинами двор, редкие в этот час прохожие... Чужой, слишком чужой для меня мир. В юности я мечтал жить в Москве. Это было глупо, но я верил: повезет! Старался: образцовый взвод, образцовая рота... Затем последует лучший батальон, отличный полк. После дивизии можно и в Москву. Наивная мечта гарнизонного офицера... Жена поначалу тоже верила, но быстро разочаровалась. Перспек-